

РАДИКАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТИВИЗМ. ЗНАНИЕ ВНЕ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Рассматриваются основные идеи радикального конструктивизма, их эпистемологические следствия и влияние на наше понимание прошлого, в частности на археологию.

Ключевые слова: конструктивизм; знание; реальность; археология.

От переводчика¹:

Предлагаемая вашему вниманию статья Корнелиуса Холторфа представляет ключевые идеи радикального конструктивизма в области археологии и истории культуры. Радикальный конструктивизм – достаточно влиятельное направление в современной гуманитаристике, знаменующее фундаментальные изменения в эпистемологии и философии познания. Главное отличие радикального конструктивизма от традиционных эпистемологических позиций в том, что он делает акцент на исследовании познания не как отражения реальности, а как создания конструктов, с которыми мы, собственно, и имеем дело. Отсюда популярная среди представителей радикального конструктивизма идея «знания второго порядка» как саморефлективного процесса.

Следует отметить, что, при всей «радикальности» данной ветви конструктивизма и неоднозначности его оценок в отечественной литературе², он имеет серьезные философские основания и весьма авторитетных предшественников. Кроме того, радикальный конструктивизм являет собой яркий пример междисциплинарности, причем не в форме абстрактных умозрений, а в конкретных методах и результатах исследований. Эти и другие особенности радикального конструктивизма делают его интересным и небесполезным для изучения.

Корнелиус Холторф – известный специалист в области конструктивистской археологии, работал в Тюбингенском университете, университетах Гамбурга, Гётеборга, Кэмбриджа. В 1998 г. К. Холторф защитил диссертацию «**Monumental Past: Interpreting the meanings of ancient monuments in later prehistoric Mecklenburg-Vorpommern (Germany)**» и получил степень Ph.D.

С 2005 по 2008 г. К. Холторф работал ассистентом профессора на кафедре археологии и древней истории университета г. Лунда (Швеция). В 2007 г. был избран доцентом. С 2008 г. – доцент (Associate Professor) археологии на кафедре гуманитарных наук университета г. Кальмар (Швеция). Основная сфера деятельности – программа для студентов старших курсов «Изучение культурного наследия».

Две его недавние работы «Monumental Past: The Life-histories of Megalithic Monuments in Mecklenburg-Vorpommern (Germany). Electronic monograph» (2000) и «From Stonehenge To Las Vegas: Archaeology As Popular Culture» (2005) представляют результат использования конструктивистской методологии при решении конкретных археологических задач.

В.Е. Буденкова

Радикальный конструктивизм [1] является частью более широкого «конструктивистского» движения в философии и социологии науки [2]. Его основатель и наиболее выдающийся пропагандист – американский психолог Эрнст фон Глазерфельд [3–6]. Среди его последователей и критикующих единомышленников Гебхард Руш [7, 8], Зигфрид Шмидт [9] и Никлас Луман [10, 11].

Стиль мышления Э. Глазерфельда – междисциплинарный, но, в основном, он базируется на работах французского психолога Жана Пиаже, а также на достижениях кибернетики, таких как изучение самозамкнутых систем³ [12, 13]. Исследование когнитивного развития у детей привело Ж. Пиаже к часто цитируемому выводу: «Разум организует мир, организуя себя» [14. С. 311].

Это означает, что познание – это самоорганизующийся когнитивный процесс в человеческом мозге; оно нацелено не на «правильный» образ «реального» мира⁴, а на жизнеспособную организацию мира, как он дан в опыте. Аналогично кибернетика рассматривает непрерывно повторяющийся, т.е. циклический процесс наблюдения и обучения, но только с сугубо технической точки зрения. Саморегулирующиеся устройства знают только, что они восприняли посредством обратной связи. Кибернетика «второго порядка» (Хайнц фон Фёрстер), в свою очередь, изучает, как подобные системы наблюдают⁵, и в этой рефлексивной манере она включает очередного наблюдателя в поле обучения. Радикальный конструктивизм является, если угодно, «зна-

нием второго порядка», принимающим во внимание и собственные процедуры.

Радикальный конструктивизм провозглашает два главных принципа [15. С. 162]:

- знание не получается⁶ пассивно, а активно создается познающим субъектом;
- функция познания – адаптивная и служит организации опытного мира, а не открытию онтологической реальности.

Стоит отметить, что радикальный конструктивизм отличается от дарвинистской модели эволюционной эпистемологии в том, что он не предполагает, что поразному созданные знания постепенно сближаются⁷ и, в конце концов, соединятся в единую систему [знаний]⁸, представляющую «реальный мир» целиком. Сторонники радикального конструктивизма настаивают на том, что все знание скорее конструируется, нежели «открывается», и что невозможно говорить (и совершенно незачем знать), отражает ли оно, и до какой степени, онтологическую реальность. Это не отрицание онтологической реальности как таковой, но отрицание того, что наше (по)знание⁹ обязательно должно иметь с ней дело. Таким образом, и онтология, и эпистемология становятся «лишними» для ученых и других «производителей» знания. Считается, что конструктивизм рассматривает «знание без метафизики» [4] или «пост-эпистемологию» [16. С. 20]. Никлас Луман в аналогичном контексте рассуждает о деонтологизации реальности [11. С. 37]. Но это не означает полного релятивизма, или что «все сойдет» [10. С. 177].

Все, на чем настаивают представители радикального конструктивизма, это то, что о знании нельзя судить по тому, как оно репрезентирует онтологическую или метафизическую реальность.

Существуют, однако, и другие критерии [17].

Радикальный конструктивизм считает, что «прилаживание»¹⁰ знания к нашему опыту, или его когнитивная пригодность, есть ключ к оценке конкурирующих [познавательных] утверждений и механизм, посредством которого мы учимся. Таким образом, не знание приспосабливается к реальному миру, а сам мир адаптируется к нашим познавательным потребностям. Человеческое знание о мире соответствует реальности и «навязывается» ей, какой *мы* (курсив мой. – В.Б.) ее воспринимаем и понимаем¹¹.

Я показал в другой работе [18], что этот процесс восприятия может быть описан как процесс интерпретации в свете специфического понимания или видения: «знать – значит понимать определенным образом» [19. С. 206]. Различные понимания реальности могут одинаково хорошо согласовываться с разными «опытами» и, следовательно, демонстрировать одинаковую пригодность [3. С. 141, 199]. Вместо единственной адаптации к одной реальности, существует бесконечное множество реальных опытов и, следовательно, реальностей. Согласно радикальному конструктивизму, не существует единого мира, предназначенного быть верно понятым наблюдателем; таким образом, традиционный субъект-объектный дуализм преодолевается [7. С. 218].

Знание и память тесно взаимосвязаны; оба они не отражают онтологическую реальность, но конструируются, в соответствии с их пригодностью и жизнеспособностью, в сознании познающего/вспоминающего субъекта. Такая жизнеспособность знания и памяти в значительной мере зависит от случайных социальных обстоятельств, которые, хотя и не всецело, но отчасти определяют, что имеет смысл, а что нет для индивидов в данной ситуации [4. С. 20; 20–22]. Но это не противоречит основной догме радикального конструктивизма, о том, что реальность создается при помощи когнитивных операций человеческого интеллекта, старающегося достичь «равновесия в познаваемом субъектом эмпирическом мире» [23. С. 115].

Недавно Гебхард Руш показал [7], что утверждения радикального конструктивизма относительно человеческого познания могут быть проиллюстрированы и обоснованы ссылками на современные свидетельства биологии, биохимии, биофизики, физиологии, психологии, лингвистики и социологии. Но Руш верно указывает [8. С. 71; 24], что это никоим образом не равно «протаскиванию» эмпиризма или реализма через «черный ход»: радикальный конструктивизм (РК) не может быть доказан с помощью научных знаний, которые, согласно той же самой теории, не репрезентируют объективную реальность. Однако по иронии судьбы это значит, что строгие реалисты должны были бы, возможно, поддержать радикальный конструктивизм благодаря эмпирической очевидности [7. С. 212].

Если все знание конструируется в сознании¹² и не отражает с необходимостью мир, как радикальный конструктивизм избегает саморазрушения? Радикальный конструктивизм – это тоже «знание второго порядка»,

знание о самом себе. Он судит о своей собственной ценности, по тому же критерию, что и любое другое знание: а именно его когнитивной пригодности или по тому, способствует ли он пониманию. Радикальный конструктивизм избегает саморазрушения, поскольку он рефлексивен и полностью применим к себе. Эрнст фон Глазерфельд пишет (курсив автора): «Я бы вступил в противоречие с одним из основных принципов моей теории, если бы утверждал, что конструктивистский подход представил *истинное* описание *объективного* положения дел. Как мне кажется, радикальный конструктивизм всего лишь предлагает другой способ мышления, и его ценность будет зависеть от его полезности в нашем эмпирическом мире.

Красота радикального конструктивизма – во всяком случае, как я его знаю – заключается в том, что он позволяет освободить знание от [его] метафизики. Он нравится мне потому, что делает многое для меня понятным. Но радикальный конструктивизм весьма толерантен и скромен по отношению к альтернативным принципам познания. Если Вам он не понятен, это тоже не проблема. Но Вы должны отдавать себе отчет в том, что, если другая теория кажется Вам более согласующейся с вашим жизненным опытом, и Вы, таким образом, принимаете альтернативную теорию о характере человеческого (или научного) знания, это будет, фактически, подтверждением центрального тезиса радикального конструктивизма о том, что человеческое знание оценивается в соответствии с его когнитивной пригодностью в сознании индивидов¹³. Утверждения радикального конструктивиста могут, поэтому, оказаться действительно неопровержимыми» [4. С. 13].

Знание прошлого

Если знание, включая научное [знание], скорее конструируется, нежели «открывается», представление о «получении знания» об онтологической реальности, прошлой или настоящей, не может быть сохранено. Все знание, независимо от того, где, как и кем оно произведено, должно обсуждаться безотносительно к онтологической реальности (о которой мы ничего не знаем).

Эта позиция бросает археологии и, конечно, истории двойной вызов: во-первых, если для настоящего принимается, что знание и понимание конструируются и (поэтому)¹⁴ отличаются, следует признать, что и по отношению к прошлому это так; в этом случае, наша задача как археологов – насколько возможно реконструировать различные знания прошлого. Задача «правильной» когнитивной археологии – не в поиске истоков нашего собственного (лучшего, «продвинутого») знания мира, а в согласовании различных форм знания. Вопрос в том, как этого достичь [25. С. 102].

Во-вторых, что еще важнее, наше собственное знание и понимание прошлого также конструируется и отражает, прежде всего, нынешние условия, в которых мы его (знание. – В.Б.) конструируем [7. Гл. 4.2; 25. С. 97]. Фактически, целостное представление о прошлом является когнитивной и социальной конструкцией, которая не существует нигде (и никак. – В.Б.), кроме как в соотношении с опытом людей, живущих сегодня [7. С. 416–419]. Обращая на это внимание, я не

говору о явных пристрастиях или, попросту, разных перспективах, у различных наблюдателей; я утверждаю, что знание (о прошлом) и реальность (прошлое) – это две совершенно различные вещи. Данное положение радикального конструктивизма отрицает не существование прошлого или древних памятников, таких как мегалиты, но возможность для нас с уверенностью знать прошлое «как оно было на самом деле» [26]. По крайней мере, мы никогда не сможем этого сказать, поскольку не можем преодолеть условия разума (и общества), детерминирующие наше (по)знание.

С радикально-конструктивистской точки зрения и онтология и эпистемология излишни: неважно, существовало ли прошлое или нет, т.к. это не влияет на наше знание о нем; несущественно и то, как мы можем знать прошлое, поскольку знание о прошлом очевидно существует среди людей. Радикально-конструктивистская археология полагает, что доистория и доисторические объекты, как бы люди ни видели их и как бы они их ни понимали, являются конструкциями соответствующих современников. Из этого следует, что сегодняшняя академическая археология есть только один из многих возможных путей, чтобы прийти к согласию с прошлым и понять смысл его материальных следов [27]. Никакие знания о прошлом, включая те, которые получены академической археологией, не имеют эпистемологического превосходства над другими. Доистория – это конструкция, неважно, кто ее создал, и все конструкции доистории и ее памятников должны обсуждаться на равных [7. С. 475; 18; 28]. Этот второй вызов археологии со стороны радикального конструктивизма определенно превосходит первый, поскольку никакая попытка реконструировать прошлые построения не может избежать ловушки быть конструкцией настоящего.

Для радикально-конструктивистской археологии я вижу три основных пути будущих исследований. Все три задачи подразумевают, что археологи не заняты открытием первоначальных смыслов доисторических процессов или археологических памятников в про-

шлом. Вместо этого они сфокусированы на том, что эти процессы или памятники могут значить для людей при различном восприятии¹⁵ и под влиянием разных условий [29. С. 197–202]. Одна задача заключается в том, чтобы сохранить наше понимание минувшего и добавить более жизнеспособные и полезные конструкции прошлого и его памятников к уже имеющимся [30], или расширить когнитивные возможности существующих конструкций [7]. Это значит использовать наилучшим образом ситуацию, в которой мы находимся, и преуспеть в согласовании нескольких превосходных конструкций. Это то, чего наиболее ортодоксальные исследования (академические и неакадемические) теперь, кажется, достигают. Две другие задачи сфокусированы на процессе конструирования прошлого, а не на прошлом как таковом. Изучение того, как прошлое конструируется, никоим образом не меняет статус полученного знания, которое все же является знанием конструкции, но оно может создать жизнеспособное знание о нашем сегодняшнем обществе [31. С. 11–21]. Следовательно, вторая задача (для археологии. – В.Б.), – стать саморефлексивной и изучать конструкции, созданные археологами, или как прошлое существует среди ученых. Это значит сосредоточиться на истории и социологии дисциплины, на дискурс-анализе, способах письма и деконструкции современных подходов, стараясь, таким образом, понять, что мы делаем (например, [32]). Третья возможная задача – изучение различных восприятий вне академической археологии, в которых доистория и ее памятники создаются или создавались в обществе. Это имеет не только все большее социальное, политическое и этическое значение, но также может помочь нам найти плодотворную роль для археологов в будущем обществе [27, 31].

Я рассматриваю эту работу как конструкцию, которая пытается понять прошлое в настоящем, хотя она одновременно сосредоточена на доисторических, исторических и остальных современных смыслах древних памятников. Это конструкция конструкций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Перевод, комментарии и примечания В.Е. Буденковой. В списке литературы сохранена авторская орфография.

² См., например: Режабек Е.Я. Как возможно познание внешнего мира? К критике философского конструктивизма // Эпистемология и философия науки. 2006. Т. 9, № 3; Т. 10, № 4.

³ Наряду с понятием «самозамкнутая система» в радикальном конструктивизме широко употребляются термины «автономная система», «самоподдерживающаяся система». Несмотря на некоторые тонкости употребления, в контексте данной статьи они могут рассматриваться как синонимы.

⁴ Имеется в виду создание «правильного» образа «реального» мира. Здесь К. Холторф подчеркивает принципиальное различие между радикальным конструктивизмом и классическими эпистемологическими концепциями.

⁵ Автор использует своего рода игру слов: наблюдение за наблюдателем или изучение изучающего. В этом и заключается суть «второго порядка», причем не только в кибернетике.

⁶ «Получение» знания здесь подразумевает отражение или «копирование» реальности.

⁷ В смысле конвергенции как возможности согласования и совмещения.

⁸ Слова, взятые в квадратные скобки, в русском переводе можно было бы опустить, хотя в авторском тексте они есть.

⁹ Поскольку радикальный конструктивизм акцентирует конструктивный характер знания, термин «knowledge» (как в данном случае) подразумевает и сам познавательный процесс, и его результат.

¹⁰ Термин «fitting» взят автором в кавычки. Тем самым он подчеркивает необходимость не просто согласования знаний с действительностью, а «пригонки» их к нашему опыту, как если бы речь шла о частях механизма, чтобы знание «работало».

¹¹ Здесь К. Холторф подчеркивает, что мы имеем дело только с той реальностью или тем миром, который дан нам в опыте. Фактически, для конструктивизма реальность и эмпирический мир – это одно и то же.

¹² Термин «mind» англоязычные философы часто употребляют именно в этом значении. В данном случае слово «сознание» позволяет подчеркнуть активность познающего субъекта, что, на наш взгляд, соответствует замыслу автора.

¹³ Как и в предыдущем случае, здесь мы имеем дело с многозначностью термина «mind». Выражение «in the minds of individuals» может быть переведено как «в умах людей», хотя по-русски более правильно было бы сказать «в человеческом разуме». Но поскольку речь идет о когнитивной пригодности или «жизнеспособности» знания, радикальным конструктивистам важно подчеркнуть множественность индивиду-

альных опытов и, следовательно, потенциальную множественность «картин мира», каждая из которых оценивается по степени согласованности с личностным опытом индивидов.

¹⁴ В оригинале слово «поэтому» отсутствует, но К. Холторф подразумевает именно причинно-следственную связь между «конструированием» знания и его разнообразием.

¹⁵ Выражение «various **receptions**» следовало бы перевести как «разные способы восприятия» или «разные манеры видения», еще раз подчеркнув мысль автора о зависимости наших образов реальности, в т.ч. прошлого, от «содержания» нашего сознания, индивидуальных особенностей и установок.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Fischer Hans Rudi*. Die Wirklichkeit des Konstruktivismus: zur Auseinandersetzung um ein neues Paradigma. Heidelberg: Carl-Auer-Systeme, 1995.
2. *Schwandt Thomas A*. Constructivist, Interpretivist Approaches to Human Inquiry // Handbook of Qualitative Research. London: Sage, 1994. P. 118–137.
3. *Glaserfeld Ernst von*. The Construction of Knowledge. Seaside: Intersystems Publications, 1987.
4. *Glaserfeld Ernst von*. Knowing without Metaphysics: Aspects of the Radical Constructivist Position. In: F.Steier (ed.) *Research and Reflexivity*. London: Sage, 1991. P. 12–29.
5. *Glaserfeld Ernst von*. Konstruktion der Wirklichkeit und des Begriffs der Objektivität [1985] // Einführung in den Konstruktivismus. München: Piper, 1992. P. 9–39.
6. *Glaserfeld Ernst von*. Die Wurzeln des «Radikalen» am Konstruktivismus. 1995. P. 35–45.
7. *Rusch Gebhard*. Erkenntnis, Wissenschaft, Geschichte: von einem konstruktivistischen Standpunkt. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1987.
8. *Rusch Gebhard*. Zur Konstruktion von Geschichte – Bausteine konstruktivistischer Geschichtstheorie // Philosophie und Wissenschaften. Frankfurt/M.: Peter Lang, 1990.
9. *Schmidt Siegfried J*. Der Diskurs des Radikalen Konstruktivismus. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1987.
10. *Luhmann Niklas*. Die Wissenschaft der Gesellschaft. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1992.
11. *Luhmann Niklas*. Das Erkenntnisprogramm des Konstruktivismus und die unbekannt bleibende Realität // N. Luhmann. Soziologische. Aufklärung 5: Konstruktivistische Perspektiven, 1993. P. 31–58.
12. *Glaserfeld Ernst von*. Piaget's konstruktivistisches Modell: Wissen und Lernen // DELFIN 1994. Piaget und der Radikale Konstruktivismus. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1994. P. 16–42.
13. *Portele Gebhard*. Die ontogenetische Entwicklung und die soziale Konstruktion der Wirklichkeit // DELFIN 1994. Piaget und der Radikale Konstruktivismus. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1994. P. 103–138.
14. *Piaget Jean*. La Construction du réel chez l'enfant. Neuchâtel: Delachaux et Niestlé, 1937.
15. *Glaserfeld Ernst von*. Constructivism in Education. In: The International Encyclopedia of Education // Research and Studies, Supplementary Volume 1. Oxford: Pergamon Press, 1989. P. 162–163.
16. *Glaserfeld Ernst von*. Aspekte des Konstruktivismus: Vico, Berkeley, Piaget // DELFIN 1992. Konstruktivismus: Geschichte und Anwendung. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1992. P. 20–33.
17. *Holtorf Cornelius J*. Why fascists don't like postprocessualism. Assemblage 1. 1996. URL: <http://www.shef.ac.uk/~assem/1/holtorf.html>
18. *Holtorf Cornelius J*. 'Object-orientated' and 'problem-orientated' approaches of archaeological research-reconsidered. Hephaistos 13, 1995. P. 7–18.
19. *Johnson Mark*. The Body in the Mind. Chicago: Chicago University Press, 1987.
20. *Berger Peter L., Thomas Luckmann*. Die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit. Eine Theorie der Wissenssoziologie [Engl.: The Social Construction of Reality, 1966]. Frankfurt/M.: Fischer, 1980.
21. *Frintle Wolfgang*. Radikaler Konstruktivismus und Social constructionism-sozialpsychologische Folgen und die empirische Rekonstruktion eines Gespenstes. 1995. P. 103–129.
22. *Hodder Ian*. Social Cognition // Cambridge Archaeological Journal. 1993. № 3(2). P. 253–257.
23. *Glaserfeld Ernst von*. Steps in the Construction of «Others» and «Reality»: A Study in Self-Regulation // Power, Autonomy, Utopia. L.; N.Y.: Plenum, 1986. P. 107–116.
24. *Lohmann Georg*. 'Beobachtung' und Konstruktion von Wirklichkeit. Bemerkungen zum Luhmannschen Konstruktivismus // DELFIN 1993. Konstruktivismus und Sozialtheorie. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1994. P. 205–219.
25. *Nünning Vera*. Wahrnehmung und Wirklichkeit. Perspektiven einer konstruktivistischen Geistesgeschichte // DELFIN 1992. Konstruktivismus: Geschichte und Anwendung. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1992. P. 91–118.
26. *Beckenbauer Franz*. Wie es wirklich war. München: Goldmann, 1993.
27. *Holtorf Cornelius J*. Constructed Meanings: The Receptions of Megaliths after the Neolithic // Megalithic Tombs – their Context and Construction. København (forthcoming).
28. *Shanks Michael, Ian Hodder*. Processual, postprocessual and interpretive archaeologies // Interpreting Archaeology. Finding meaning in the past. London: Routledge, 1995. P. 3–29.
29. *Olsen Bjørnar*. Roland Barthes: From Sign to Text. In: Reading Material Culture. Oxford: Basil Blackwell, 1990. P. 163–205.
30. *Tilley Christopher Y*. Material Culture and Text. The Art of Ambiguity. L.: Routledge, 1991.
31. *Holtorf Cornelius J*. Die heutigen Bedeutungen des Gollensteins von Blieskastel. Für eine empirische Rezeptionsforschung der Archäologie // Saarpfalz. 1994(4). № 43. P. 11–21.
32. *Tilley Christopher Y*. On Modernity and Archaeological Discourse // Archaeology after Structuralism. L.: Routledge, 1990. P. 128–152.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 21 апреля 2009 г.